

— Сяо Яньцзы, если будешь упорствовать, то и железный пестик можно сточить до иголки!

Сяо Яньцзы бормотала про себя: подумать только, есть же готовые иголки, у няньки Жун целое множество самых разных вышивальных игл, почему же ей обязательно нужно тереть именно эту железку?

— Сяо Яньцзы, Цзывэй, мы пришли навестить вас! — раздался за дверью голос Пятого принца.

Глаза Сяо Яньцзы засияли. Забыв о туши, размазанной по собственному лицу, она в два счета подскочила к двери. Цзывэй беспомощно улыбнулась: стоило только избавить Сяо Яньцзы от необходимости читать и писать, как в ней тут же просыпалась невероятная энергия для любых других занятий.

Один за другим они вошли внутрь, и с первого же взгляда Сяо Яньцзы заметила Цзи Чжичэна, следовавшего позади Юнцзи.

Сяо Яньцзы взъерошилась, словно рассерженный котенок:

— Ах ты! Цзи Чжичэн, у тебя еще хватает смелости заявляться в мою Беседу Ароматных Трав! Стоит только столкнуться с тобой, как непременно случается какая-нибудь гадость!

Она воинственно замахнулась кулаком, собираясь съездить Цзи Чжичэну по лицу.

Цзи Чжичэн, разумеется, не собирался сидеть сложа руки и ждать расправы — он тут же припустил к выходу на длинных ногах. На ходу он бормотал:

— Я ведь, в конце концов, гость! Разве так в вашей Беседе Ароматных Трав гостей принимают? Не виделись всего несколько дней, а ты и впрямь стала совсем неотесанной!

— Чего?! Ты еще смеешь называть меня неотесанной?! Есть смелость — так остановись и дерись со мной по-человечески!

От слов Цзи Чжичэна Сяо Яньцзы разозлилась еще сильнее и, цокая накладными каблуками-цветочными горшками, бросилась в погоню.

Цзи Чжичэн бежал впереди, Сяо Яньцзы мчалась следом, оставив остальных стоять на месте в полном недоумении.

Цзывэй вкратце объяснила им предысторию, и, решив, что до смертоубийства дело в любом случае не дойдет, все решили пустить всё на самотёк.

Видя, что Сяо Яньцзы настигает его по пятам, Цзи Чжичэн одним прыжком взлетел на самое высокое дерево посреди двора Беседы Ароматных Трав.

Сяо Яньцзы не умела лазать по деревьям, поэтому принялась браниться, стоя внизу:

— А ну-ка немедленно спускайся! Из-за твоей паршивой книги меня не только заставляют учиться, но еще и Отец-Император с учителем Цзи наказывают! Слезай сию же минуту, сразись со мной честно, лицом к лицу!

— И не подумаю спускаться! Хватит смелости — поднимайся сама. Ко-те-нок.

Последнее слово Цзи Чжичэн нарочно выделил интонацией.

— Ладно-ладно, погоди у меня, я сейчас же залезу сюда и отделаю тебя, мерзкая ты гусеница!

Выкрикнув это, Сяо Яньцзы сделала мощный прыжок, пытаясь долететь до ветки, на которой сидел Цзи Чжичэн, но не допрыгнула и ухватилась лишь за тоненькую ветку. Видя, как сук начинает трещать, а земля уходит из-под ног, Сяо Яньцзы почувствовала, как сердце подскочило к самому горлу.

В самый последний момент перед тем, как ветка сломалась, крепкие руки Цзи Чжичэна обвилились вокруг ее талии. С глухим стуком они рухнули на землю, а обломанный сук рухнул следом.

— Ну ты прямо настоящая ласточка — ветка такая высокая, а ты вспорхнула туда в одно мгновение! Если бы я не поймал тебя вовремя, боюсь, тебе пришлось бы пролежать в постели еще несколько дней.

Цзи Чжичэн не удержался и щелкнул Сяо Яньцзы по лбу согнутым пальцем, словно желая проверить, вода там плещется или жидкий клейстер.

— Подумать только! Ты же чуть не свел меня в могилу! Если бы не ты, стал бы Отец-Император отправлять меня учиться?

Сяо Яньцзы дула губы, а на ее щеках все еще чернели следы туши, из-за чего в глазах Цзи Чжичэна она выглядела точь-в-точь как разъяренный котенок с растопыренными лапками.

— Да-да-да, в том, что тебя заставили учиться, и впрямь виноват я. Поэтому сегодня я явился сюда специально, чтобы принести свои извинения героине Сяо Яньцзы. Надеюсь, столь великодушная героиня не станет помнить старые обиды и простит меня на этот раз.

Вспомнив, с каким убитым видом его отец сокрушался дома, Цзи Чжичэн едва сдерживал

улыбку: похоже, он ухитрился испортить жизнь им обоим.

— То-то же! У этой героини душа широкая, так что ладно, прощаю тебя на этот раз!

Сяо Яньцзы с горделивым видом отвернулась, совершенно забыв, что они всё еще стоят в обнимку в весьма двусмысленной позе.

— Цзи Чжичэн, что ты делаешь?! Немедленно отпусти Сяо Яньцзы!

Услышав крики Сяо Яньцзы о помощи, Юнци прибежал на зов и как раз застал эту картину.

— А ну быстро отпусти меня!

Сяо Яньцзы тоже опомнилась и, осознав, что до сих пор находится в объятиях Цзи Чжичэна, невольно вспыхнула от смущения.

Цзи Чжичэн торопливо опустил ее на землю. Тепло чужих ладоней исчезло, оставив после себя легкое чувство утраты.

Подняв голову, Цзи Чжичэн наткнулся на взгляды присутствующих — в одних читалось негодование, в других — недоумение. Он поспешил оправдаться:

— Понимаете... Сяо Яньцзы сама вздумала карабкаться на дерево и чуть не сорвалась, а я просто проявил гражданское мужество...

Цзи Чжичэн собирался сказать «спас красавицу», ведь в любовных романах, которые читала его матушка, всегда было именно так.

— Чжичэн, между мужчинами и женщинами должна быть дистанция. Сяо Яньцзы хоть и ведет себя беспечно, но в конце концов она девушка, так что впредь тебе лучше держаться от нее подальше.

В голосе Юнци звучал легкий упрек: как названный брат Сяо Яньцзы, он, разумеется, был обязан оберегать ее доброе имя.

Цзи Чжичэн смущенно пробормотал согласие. Сяо Яньцзы тоже почувствовала неловкость и досаду: хотя обычно она была не из робкого десятка, она всё же оставалась девушкой, способной испытывать стыд, и это был первый раз в жизни, когда ее обнимал мужчина.

Цзывэй отличалась тонкой натурой и с первого взгляда уловила странную атмосферу между ними. Вспомнив, как бурно и шумно проходили все их предыдущие встречи, она невольно

улыбнулась: быть может, это судьба, предначертанная небесами?

Затем Цзывэй бросила взгляд на помрачневшего Юнци, и ее сердце тревожно ёкнуло. Дурное предчувствие царапнуло душу: неужели этот ее пятый брат тоже положил глаз на Сяо Яньцзы?

Хотя она сама вошла во дворец совсем недавно, она успела заметить, сколь высоко Отец-Император ценит этого Пятого принца — даже законнорожденный Юнци не мог с ним тя сравниться. А с таким простодушным и живым характером, как у Сяо Яньцзы, ни в коем случае нельзя было становиться матерью подданных всей страны.

К тому же Сяо Яньцзы была ее лучшей подругой, близкой сильнее, чем родная сестра. Цзывэй вовсе не желала, чтобы ее дорогая сестра делила мужа с какой-либо другой женщиной.

Если Пятый принц и впрямь зарится на Сяо Яньцзы, она обязана вырвать это чувство с корнем, пока Сяо Яньцзы еще не успела отдать ему сердце. В этом вопрошении Цзывэй оказалась полностью солидарна с Императрицей.

Юнци не ведал, какие интриги плетет против него в мыслях собственная сводная сестра, иначе он бы поднял крик до небес, призывая в свидетели справедливость. В конце концов, Сяо Яньцзы приходилась ему сестрой лишь по названию — насколько же нужно лишиться рассудка, чтобы испытывать подобные чувства к собственной сестре!

— Цзывэй, что с тобой? Тебе нездоровится?

Эркан был сосредоточен исключительно на Цзывэй. Заметив ее застывший взгляд, он испугался, что ей стало плохо.

— Благодарю старшего господина Фу за заботу, со мной всё в порядке.

Цзывэй пришла в себя и вежливо поблагодарила его.

На душе у Эркана скребли кошки: Цзывэй держалась с ним подчеркнуто холодно, и в его глазах затаилась легкая грусть. За дни совместного общения его сердце уже безвозвратно утонуло в омуте чувств. Безупречная красота Цзывэй, ее кротость, доброта, изящная речь и глубокие познания — всё это обладало для Эркана неотразимой, роковой притягательностью.

Разве могла Цзывэй не замечать чувств Эркана? Ни одна женщина не останется равнодушной к столь обходительному и благородному мужчине, который окружает ее столь щедрой заботой. Вот только она не смела сделать первый шаг, опасаясь повторить судьбу своей матери и до конца дней влечь бремя неисполнимых надежд.

— Чего вы все столбом стоите? Чжичэн, разве ты не привез гостинцев для Цзывэй и Сяо Яньцзы?

Фу Эртай заметил напряженные переглядывания и поспешил вмешаться, прервав затянувшуюся паузу.

— Что еще за гостинцы? Надеюсь, опять не стихи династии Тан? — подозрительно протянула Сяо Яньцзы.

— Принцесса Хуаньчжу напрасно меня подозревает! На сей раз никаких стихов Тан, я принес вам Четверик и Пятикнижие! — со смехом ответил Цзи Чжичэн.

Он уже наслышался от отца о том, как домашнее учительство подверглось испытанию на прочность во второй раз, причем родитель в красках расписал ему все подвиги принцессы Хуаньчжу на уроках. Глядя на простодушную физиономию Сяо Яньцзы, Цзи Чжичэн не удержался от желания подразнить ее.

— А? — Сяо Яньцзы слегка растерялась.

— Ха-ха-ха, я пошутил! Я принес твои любимые вонючие тофу из листка!

Видя совершенно неверящее выражение лица Сяо Яньцзы, Цзи Чжичэн нашел эту сцену забавной до крайности.

— Раньше бы сказал, что это жареный вонючий тофу! Мой любимый жареный вонючий тофу, я иду!

Забыв обо всякой осторожности и даже о пятнах туши на лице, Сяо Яньцзы вприпрыжку подбежала к корзинке с едой. В тот же миг густой, пряный и аппетитный аромат ударил ей в нос с щедростью того, кто не жалеет серебра.

Ломтики тофу с хрустящей золотистой корочкой, щедро политые насыщенным соусом, выглядели так, что слюнки текли при одном взгляде.

— М-м, вкусно!

Сяо Яньцзы подцепила палочками один кусочек и целиком сунула в рот. Во рту брызнул сок, наполняя всё вокруг богатым вкусом, и лицо Сяо Яньцзы расплылось в абсолютном блаженстве.

Глядя на то, как у Сяо Яньцзы от усердия надулись щеки, Цзи Чжичэн невольно усмехнулся: и впрямь ненасытный котенок.

— Сяо Яньцзы, ты не только ешь, там на дне еще кое-что есть, — напомнил он.

Сяо Яньцзы торопливо приподняла верхние ящики корзинки: там обнаружились сахарные петушки на палочках, облачные пирожные из тофу, а также глазированные вишни из чайной дома «Жэньи». От вида такого обилия сладостей глаза Сяо Яньцзы засияли еще ярче.

— Цзи Чжичэн, а ты всё же парень что надо!

Сяо Яньцзы от радости пару раз от души стукнула Цзи Чжичэна в грудь кулаком.

— Кхе-кхе-кхе... Главное, чтобы ты была довольна, Сяо Яньцзы.

Про себя Цзи Чжичэн молча отметил, что кулачки у этой девчонки по-прежнему обладают прежней богатырской силой.

По подсказке Цзывэй Сяо Яньцзы наконец отмыла лицо от туши. Тем временем Минъюэ уже расставила угощения и, сообразив, что погода становится все жарче, предусмотрительно приготовила освежающий суп из лилий и семян лотоса.

Усевшись кружком, они принялись лакомиться угощениями и болтать — какое же это было блаженство!

— Сяо Яньцзы, ешь потихоньку, не подавись, — заметив, как усердно та уплетает еду, не удержался от заботливого замечания Юнци и даже подложил ей пиалу супа.

Цзи Чжичэн, наблюдая за столь усердными ухаживаниями Юнци, почувствовал беспричинный укол раздражения.

Сяо Яньцзы, однако, было не до тонкостей. Она радостно хлопнула Юнци по плечу:

— Спасибо тебе, Юнци! Ты и правда мой верный братец, такой заботливый!

— Сяо Яньцзы, прекрати фамильярничать, я ведь твой пятый брат, — с легкой досадой отозвался Юнци, отстраняя руку девушки, норовившую привычным жестом закинута ему на плечи.

— Эй, Сяо Яньцзы, нельзя же быть такой несправедливой и признавать братом только одного Юнци! — пошутил Эртай.

— Чего это несправедливой? Для меня вы все — лучшие братья!

Цзи Чжичэн, глядя на столь беззаботную простоту Сяо Яньцзы, испытал смешанные чувства — то ли досаду, то ли странное облегчение. На самом деле у него был секрет, которым он ни с

кем не делился: кажется, он и впрямь капельку влюбился в Сяо Яньцзы. Во всяком случае, в его сердце она занимала совершенно особенное место.

В последующие дни Сяо Яньцзы проявила поистине железное усердие в учебе. На занятиях ей помогали Юнци и Эртай, а после уроков роль домашнего репетитора брала на себя Цзывэй, так что учитель Цзи уже несколько раз похвалил Сяо Яньцзы во время уроков.

Цяньлун видел перемены в Сяо Яньцзы своими глазами и остался чрезвычайно доволен. Широким жестом он удовлетворил просьбу Цзывэй и Сяо Яньцзы о выходе за пределы дворца, официально разрешив обеим девушкам покидать императорские покои три раза в месяц.

Сяо Яньцзы, вне себя от радости, схватила Цзывэй за руки, и они принялись прыгать и кружиться прямо посреди двора Беседы Ароматных Трав, выкрикивая:

— Отец-Император — великий император!

В келье на горе Утайшань благообразная знатная дама лет тридцати с небольшим погрузилась в глубокий сон.

Ее глаза были плотно закрыты, брови — сдвинуты к переносице, а в уголках глаз то и дело проступали слезинки, словно она претерпевала невыносимую муку. На лбу выступили мелкие капельки пота, губы едва заметно дрожали, выдавая бессвязный бормотательный бред.

— Нет! Юнци, не покидай матушку!

Женщина на ложе резко распахнула глаза. Окружающая обстановка показалась ей непривычной; окинув взглядом комнату, она с изумлением узнала монашескую келью на горе Утайшань, где когда-то давным-давно сопровождала Лао-фо-е в ее молитвах и посте.

— Госпожа, вам приснился кошмар? — Маленькая служанка, дремавшая у входа, проснулась от голоса Консорта Ю и поспешила войти, чтобы справиться о ее самочувствии.

Сознание Консорта Ю постепенно прояснялось. Взглянув на служанку, она вздрогнула от испуга: разве это не Цуэр? Она помнила, что Цуэр давным-давно казнили палками за оскорбление Императрицы, так почему же она сейчас жива-здоровая стоит перед ней и при этом выглядит на добрых несколько лет моложе?

Консорт Ю подавила подступившее изумление и невозмутимым тоном произнесла:

— Цуэр, где Пятая фуцзинь и Мянью?

Она отчетливо помнила, что вчера вечером засыпала вместе с Синьжун и Мянью, так почему

же проснулась в одиночестве?

Цуэр растерянно моргнула:

— Госпожа, разве наш Пятый принц уже женился? Откуда же взяться фуцзинь? И кто такой этот Мяньи?

Этот неожиданный вопрос обрушился на Консорт Ю подобно удару грома, наполнив голову хаосом, но она всё же заставила себя сохранить внешнее спокойствие:

— Ступай пока. Мне привиделся дурной сон, и запомни — никому об этом ни слова, чтобы не волновать Лао-фо-е.

— Служанка повинуется, — почтительно ответила Цуэр и попятилась из внутренних покоев.

Поднявшись с ложа, Консорт Ю схватила бронзовое зеркало и обнаружила, что выглядит значительно моложе: ее кожа стала гладкой и нежной, без единой морщинки, а седые волосы, пробившиеся от бесконечной тоски по Юнци, исчезли без следа.

Сердце Консорта Ю долго не могло успокоиться: если она не ошибалась, она переродилась.

Вспоминая прошлую жизнь, она не могла забыть, как Юнци ради Сяо Яньцзы без колебаний бросил всё и бежал в Дали. В те дни, когда Юнци только уехал, крошечному Мяньи едва исполнился месяц.

Тогда они с Синьжун плакали день и ночь напролет, и если бы не маленький Мяньи, она, пожалуй, последовала бы за Юнци в могилу. Позже, видя, как Мяньи растет день ото дня, они неизменно выслушивали его детские капризы о том, где же его отец. Им с Синьжун оставалось лишь отвечать мальчику, что отец уехал в очень далекие края и вернется, когда он подрастет.

К ее великой радости, не успел Мяньи вырасти, как Юнци действительно вернулся из Дали. Он сказал тогда: «Матушка, на этот раз я вернулся навсегда. Я останусь, чтобы состариться вместе с вами и вырастить Мяньи». Вспоминать об этом — значит вспоминать самые счастливые дни ее жизни.

Увы, радость длилась недолго. Из Дали пришла весть о том, что Сяо Яньцзы тяжело больна. Они с Синьжун умоляли Юнци не уезжать, но он не послушал. Перед уходом он произнес: «Матушка, я перед Сяо Яньцзы в долгу, я предал ее доверие. Если ей не выжить, прошу, подождите меня три года, через три года я непременно вернусь».

Но Юнци не вернулся. Влажный и жаркий климат Дали подорвал его здоровье, и у него началось воспаление костного мозга.

Восьмое число третьего месяца тридцать первого года правления Цяньлуна — этот день, разбивший ей сердце раз и навсегда, Консорт Ю не забыла бы никогда. В тот день Юнци покинул ее навеки.

А момент ее перерождения пришелся как раз на те дни, когда тело Юнци доставили обратно в Пекин. При одной этой мысли всеобъемлющее, разрывающее душу чувство вновь нахлынуло на Консорта Ю. Как она могла не ненавидеть?

Ее Юнци был столь блистательным юношей, обладавшим наилучшими шансами взойти на престол, но стоило ему познакомиться с Сяо Яньцзы, как вся его жизнь сосредоточилась вокруг этой девицы, и в конце концов он отрекся даже от собственной матери.

Если бы не Сяо Яньцзы, разве прожил бы ее Юнци жалкие двадцать пять лет?

Раз уж небеса даровали ей второй шанс, раз в прошлой жизни она не смогла смириться с существованием Сяо Яньцзы, то и в этой даже не надейтесь, что она примет эту девчонку!

Единственным верным решением сейчас было уговорить Лао-фо-е как можно скорее вернуться во дворец, чтобы преградить этой демонице путь к ее сыну.

На следующий день Лао-фо-е получила из столицы весть: Император признал принцессу из простого народа, а Императрица — приемную дочь из народа, и обе уже прошли церемонии жертвоприношения небу и духам.

Консорт Ю молча слушала донесение посланника. Внешне она оставалась невозмутимой, но внутри ее бушевали бурные волны: почему всё происходило совсем не так, как в прошлой жизни?

В прошлой жизни Сяо Яньцзы самозванкой пролезла в принцессы, но почему теперь у Императрицы появилась еще и приемная дочь? Кем же была эта вторая девица? Консорт Ю лихорадочно соображала.

Посланник закончил доклад и удалился. Лао-фо-е нахмурилась: ее не было во дворце всего полгода, а тут развернулись такие события. Больше всего ее поразило то, что ладно уж Император — он всегда отличался своеобразием, но даже всегда следовавшая правилам Императрица принялась потакать этому баловству. Если они признали самозванку, не приведет ли это к смещению императорской крови?

— Консорт Ю, Император и Императрица в один день признали девиц из народа принцессами. Что ты думаешь об этом? — Лао-фо-е перевела взгляд на нее.

— Лао-фо-е, ваша служанка полагает, что у Императора и Императрицы были на то свои соображения. Однако дело столь серьезное, что лучше бы действовать осмотрительнее.

Ошиблись бы в хорошую сторону — еще куда ни шло, но если признали не ту... — Консорт Ю сделала вид, что морщится от сомнений, не договаривая вслух. В глубине души же она таила обиду на Цяньлуна за то, что в прошлой жизни именно он по ошибке признал Сяо Яньцзы принцессой, сгубив ее Юнцзи.

— Верно, Консорт Ю, ты озвучила как раз то, что тревожит мое сердце, — с досадой произнесла Лао-фо-е. — Мало того что император потерял рассудок, так еще и Императрица туда же пустилась в пляс!

Видя тревогу Лао-фо-е, Консорт Ю утешила ее еще несколькими словами, после чего перевела разговор на другое:

— Лао-фо-е, мы ведь уже больше восьми месяцев вдали от столицы. Интересно, как там поживают Император и Юнцзи?

В глубине ее глаз мелькнула легкая тень тоски.

Лао-фо-е всё поняла без слов:

— Пожалуй, пора возвращаться во дворец. Благодарю тебя за то, что сопровождала меня здесь столь долго. Твое сыновнее почтение, Консорт Ю, я вижу с самого первого дня.

— Для вашей служанки великая честь сопровождать Лао-фо-е в молитвах, я и так была счастлива до предела.

И Консорт Ю вовсе не лукавила: Император никогда не жаловал ее особой любовью, и не будь у нее Юнцзи, он, пожалуй, и вовсе не взглянул бы в ее сторону, так что в прошлой жизни она не случайно выбрала опорой именно Лао-фо-е.

Видя искренность на лице Консорта Ю, Лао-фо-е удовлетворенно кивнула. Консорт Ю была женщиной покладистой и послушной, к тому же подарившей ей столь выдающегося внука, как Юнцзи, поэтому Лао-фо-е всегда ценила ее весьма высоко.

Пототолковав с Консортом Ю, Лао-фо-е приняла решение вернуться во дворец досрочно, назначив отъезд через три дня.

Услышав новость о скором возвращении в столицу, Циньэр тоже искренне обрадовалась. Она с детских лет скиталась с Лао-фо-е по храмам и монастырям, хотя давно уже привыкла к подобной жизни. Однако на этот раз возвращение во дворец сулило перемены — ведь там остался тот, кого она так хотела увидеть. Интересно, вспоминал ли он о ней?

Сегодня был первый день, когда Цзывэй и Сяо Яньцзы разрешили покинуть дворец.

Императрица беспокоилась, что девушки отправятся за ворота одни, но, к счастью, у братьев Фу и Цзи Чжичэна как раз выдался выходной, и они вызвались защищать покойниц по собственной воле. Только после этого Императрица наконец успокоилась.

А Юнци, на которого Цяньлун возлагал столь большие надежды как на потенциального наследника, оставалось лишь тоскливо смотреть вслед уходящим на прогулку друзьям. С возвращением Консорта Ю во дворец учебная нагрузка Юнци стала еще тяжелее.

Стоило Сяо Яньцзы выпорхнуть за дворцовые ворота, как она тут же помчалась напрямик в трущобы — ей безумно хотелось повидать Лю Цина, Лю Хун, матушку Сунь и маленького Хуцзы. Хотя дворец был прекрасен, Сяо Яньцзы считала, что ничто не сравнится с жизнью в трущобах. Как там говорится в поговорке? Золотая или серебряная нора — всё не милее собственной конуры.

— Лю Цин, Лю Хун, маленький Хуцзы, матушка Сунь, ваша Сяо Яньцзы вернулась! — всю голосила Сяо Яньцзы, стоя у входа в трущобы, но в ответ не раздалось ни звука. Сяо Яньцзы недоверчиво нахмурилась: в обычное время в этот час матушка Сунь всегда сидела во дворе под вязком и перебирала овощи, а дети играли в мешочки с песком, почему же сегодня здесь стояла такая мертвая тишина?

Войдя во двор, они обнаружили, что он совершенно пуст. В комнатах не было ни единой вещи, исчезли даже горшки и сковородки из кухни.

— Цзывэй, как ты думаешь, куда делись Лю Цин, Лю Хун и матушка Сунь? С ними ведь ничего не случилось? — Сяо Яньцзы страшно встревожилась — Лю Цин и Лю Хун не стали бы уходить молча.

Цзывэй тоже тревожилась, но сумела сохранить хладнокровие:

— Сяо Яньцзы, не переживай, Лю Цин и Лю Хун владеют боевыми искусствами, с ними не могло случиться ничего дурного. К тому же раз исчезли даже вещи, значит, они просто переехали.

— Переехали? — Голос Сяо Яньцзы уже дрожал, грозя сорваться на плач. — Цзывэй, если Лю Цин и Лю Хун переехали, почему они ничего мне не сказали?! И где мне теперь их искать?

Сяо Яньцзы горько плакала — она делила с Лю Цинем и Лю Хун кусок хлеба больше десяти лет, как же они могли бросить ее так внезапно?

— Сяо Яньцзы, перестань плакать. Я тут поспрашивала людей: оказалось, что обитатели трущоб перебрались на восточную окраину города.